

Смирнов К.

**Обзрение источников истории первого
вселенского Никейского собора.**

Москва
Книга по Требованию

УДК 62
ББК 65

Смирнов К.

Обзор источников истории первого вселенского Никейского собора.: / Смирнов К. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 366 с.

ISBN 978-5-458-01838-8

ISBN 978-5-458-01838-8

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введеніе.

Первый вселенскій Никейскій соборъ представляетъ собою въ высшей степени крупное, важное и безиримѣрное явленіе въ церковной жизни. Ничего подобнаго ему не было въ церковной исторіи предшествовавшихъ вѣковъ. Если епископскіе соборы были обычнымъ въ христіанской церкви дѣломъ еще съ первыхъ вѣковъ ея историческаго существованія, то тѣ соборы и по своему характеру и по своему составу не имѣли ничего общаго съ соборомъ Никейскимъ. Прежніе епископскіе соборы были прежде всего собраніями если и дозволенными верховною государственною властью, то во всякомъ случаѣ официально не утвержденными ею: государственная власть только терпѣла ихъ, но не принимала въ нихъ активнаго участія. Притомъ соборы первыхъ трехъ вѣковъ были соборы помѣстные; на эти соборы сходились епископы только одной или нѣсколькихъ областей. Наконецъ, эти соборы были не болѣе, какъ совѣщательными собраніями, а не законодательными въ полномъ смыслѣ слова. Положимъ, эти соборы постановляли иногда извѣстныя опредѣленія; но опредѣленія ихъ, имѣя значеніе руководительныхъ началъ для участвовавшихъ въ постановленіи ихъ пастырей и предстоятелей церковныхъ, не были положительными законами. „Въ этомъ дѣлѣ, говоритъ напр. Кипріанъ объ одномъ изъ опредѣленій бывшаго при немъ Карфагенскаго собора,—въ этомъ дѣлѣ мы никого не принуждаемъ, никому не даемъ закона, потому что всякій предстоятель свободенъ управлять церковію по своей волѣ, имѣя дать отчетъ въ своемъ дѣйствованіи Господу“¹⁾. Та или другая мѣстная цер-

¹⁾ Письмо 59 къ Стафану; по русск. пер. ч. I, стр. 284.

ковъ подчинялась подобнымъ опредѣленіямъ, какъ приговору своихъ пастырей, видя въ немъ, по обѣтованію Христову, внушеніе Духа Святаго ¹⁾). Входя въ церковную практику, опредѣленія эти обращались въ правила мѣстныхъ церквей, но въ правила въ смыслъ обычаевъ, а не законовъ писанныхъ ²⁾). Не таковъ былъ соборъ Никейскій. Это было первое открытое, торжественное собраніе епископовъ, собраніе не только дозволенное государственною властію, но официально утвержденное ею. Церковь, еще наканунѣ подвергавшаяся жестокимъ, кровавымъ гоненіямъ Діоклетіана и его соправителей, слѣды которыхъ (гоненій) еще не успѣли сгладиться, здѣсь — на Никейскомъ соборѣ — вступаетъ въ самыя тѣсныя отношенія съ государствомъ: ея интересы являются интересами всего государства, ея вопросы занимаютъ государственную власть не менѣе, если не болѣе — вопросовъ чисто государственныхъ. Сама государственная власть созываетъ епископовъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ; и представители власти церковной — епископы, которые незадолго предъ тѣмъ являлись преступниками въ глазахъ государства, заслуживавшими терпѣть и, дѣйствительно, терпѣвшими наказанія и пытки, здѣсь являются какъ-бы государственными людьми, отправляющими государственныя обязанности: они пользуются покровительствомъ государства, получаютъ изъ государственнаго казначейства деньги на проѣздъ и содержаніе ³⁾), а представитель государственной власти — императоръ — объявляетъ себя „сослужителемъ епископовъ“ ⁴⁾), „епископомъ внѣшнихъ дѣлъ церкви“ ⁵⁾), принимаетъ живое участіе въ богословскихъ — догматическихъ, обрядовыхъ и дисциплинарныхъ вопросахъ, утверждаетъ опредѣленія епископовъ своею

1) Григорія Неокесарійскаго пр. 8.

2) Василія Великаго пр. 1.

3) Евсевій „Жизнь Константина“ кн. 3, гл. 6. Migne. *Cursus patr.* s. gr. t. 20.

4) Рѣчь Константина Собору. Gelasii Cyziceni hist. conc. Nicaeni lib. II, cap. 7. Migne. *ser. gr.* t. 85. Дѣян. вселенск. соборовъ т. I, стр. 95.

5) Евсевій. „Жизнь Константина“ кн. IV, гл. 24. Migne t. 20.

печатью ¹⁾ и издастъ ихъ, какъ государственные законы ²⁾). Здѣсь, такимъ образомъ, фактически религія христіанская признана была религіею государственною и получила значеніе важнаго государственнаго института. Далѣе: Никейскій соборъ былъ соборъ вселенскій, первый вселенскій соборъ. По зову государя собрались епископы не одной какой-либо области, но всѣхъ странъ и народовъ, епископы всего тогдашняго міра, отъ крайнихъ границъ верхней Фиваиды до странъ Готскихъ, отъ Испаніи до Персіи. „Тутъ (на соборѣ) собрались мужи, говоритъ Евсевій, весьма отличные другъ отъ друга не только душою, но и тѣломъ, и страшною, и мѣстою, и языкомъ и всѣхъ ихъ принялъ одинъ городъ“ ³⁾. Это собраніе, по словамъ того-же Евсевія ⁴⁾, походило на то собраніе разнородныхъ племенъ, которое было въ первый день рожденія Христіанской церкви, — въ день первой христіанской Пятидесятницы. Это собраніе было по истинѣ вселенскою церковію, явившеюся здѣсь въ лицѣ своихъ предстоятелей. Наконецъ, соборъ Никейскій является первымъ соборомъ, дѣйствовавшимъ съ значеніемъ общаго законодательнаго органа въ церкви Христіанской. Епископы, являясь на Никейскій соборъ представителями своихъ церквей, принесли съ собою и то церковное преданіе, которое сохранялось въ каждой изъ нихъ (церквей) отъ временъ апостольскихъ: голосъ собора былъ, такимъ образомъ, голосомъ и свидѣтельствомъ всей вселенской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и голосомъ главы церкви — Христа, обѣщавшаго пребывать въ церкви „во вся дни до скончанія вѣка“ ⁵⁾, и Духа Святаго, пребывающаго въ церкви во вѣкъ ⁶⁾. „Признанное единогласно тремя стами святыхъ епископовъ, писалъ императоръ Кон-

1) Ibid. IV. 27.

2) Rufinus histor. ecclesiast. lib. I. c. 5. Migne ser. lat. t. 21. Socrates hist. eccl. lib. I. c. 9. Migne curs. patr. s. gr. t. 67.

3) Евсевій. „Жизнь Константина“ кн. III, гл. 6. Migne t. 20.

4) Ibid. III. 8.

5) Мѣ. XXVIII гл. 20 ст.

6) Иоан. XIV гл. 16 ст.

стантинъ Александрійской церкви, есть не что иное, какъ мысль Самого Сына Божія, особенно когда въ умахъ столь великихъ и многихъ мужей присутствовалъ Духъ Святой, Который открылъ имъ Божественную волю¹⁾. Вслѣдствіе этого, постановленія Никейскаго собора, какъ постановленія всей вселенской церкви, руководимой Духомъ Святымъ, являлись въ качествѣ положительныхъ законовъ, притомъ обязательныхъ не для одной какой-либо помѣстной церкви, но для всей церкви Христовой. Такъ императоръ Константинъ объявилъ отцамъ собора, что всякій противящійся догматамъ вѣры (въ смыслѣ опредѣленій собора), какъ нарушитель опредѣленій Божественныхъ, будетъ наказанъ ссылкой²⁾. Съ этой стороны, т. е. со стороны обязательности Никейскихъ опредѣленій для всѣхъ, современники собора находили прототипъ ему только въ извѣстномъ апостольскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ, разсуждавшемъ объ обрѣзаніи и издавшемъ постановленіе о необязательности для христіанъ обрядоваго закона Моисеева. „Такой-то, связанный узами мира, вѣнокъ, говоритъ Евсевій, представляющій въ наше время образъ лица апостольскаго (εἰκόνα χορείας ἀποστολικῆς ταύτην καθ' ἡμᾶς σιστησάμενος), отъ вѣковъ прошлыхъ однимъ только царемъ Константиномъ принесенъ Христу Спасителю, какъ благоприличный даръ за побѣду надъ врагами и мятежниками“³⁾.

Будучи такимъ чрезвычайнымъ, безпримѣрнымъ явленіемъ въ исторіи христіанской церкви по своему характеру и положенію, соборъ Никейскій былъ явленіемъ выдающимся и по важности тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ онъ занимался, но широтѣ и плодотворности своей дѣятельности. Въ продолженіи первыхъ 3-хъ вѣковъ, по причинѣ жестокихъ гоненій на христіанъ со стороны римской государственной власти, помѣстная

1) Дѣян. т. I. стр. 178. Сократъ. церк. ист. I. 9. Migne. curs. patr. s. gr. t. 67.

2) Созоменъ. Церковн. ист. кн. I. гл. 20. Migne. curs. patr. ser. gr. t. 67.

3) Евсевій. „Жизнь Константина“ кн. III, гл. 7.

церкви не всегда удобно могли сноситься между собою и повѣрять свои обычаи или рѣшать современные вопросы на основаніи вселенскаго преданія; а потому во многихъ помѣстныхъ церквахъ утвердились разные обычаи, иногда не совсѣмъ согласные съ общимъ церковнымъ преданіемъ. Эти разности въ обычаяхъ заходили иногда такъ далеко, что по поводу ихъ возникали споры и несогласія между помѣстными церквами. Таково напр. было разногласіе между азійскими церквами и всѣми остальными относительно времени празднованія Пасхи. По поводу этого вопроса были споры еще во II-мъ вѣкѣ. Не смотря на различныя попытки къ устраненію несогласія ¹⁾, оно продолжалось и въ III-мъ вѣкѣ и, какъ видно по памятникамъ, оставшимся отъ временъ Никейскаго собора, не устранено было и къ началу IV-го вѣка. Были въ церкви въ то время и другія серьезныя неурядица и волненія. Такъ въ Египтѣ возникъ расколъ Мелетія, довольно сильно волновавшій церковь и производившій большіе безпорядки. Но самое серьезное и опасное волненіе произвелъ въ то время Арій. Аріанское ученіе о тварности Сына Божія въ своихъ дальнѣйшихъ выводахъ вело къ уничтоженію главнаго догмата христіанства—догмата искупленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ низверженію всего христіанства. Это лжеученіе было тѣмъ опаснѣе, что оно вскорѣ послѣ своего появленія получило значительное распространеніе и приобрѣло себѣ очень многихъ сторонниковъ. „Богохульство распространялось въ церквахъ Египетскихъ и восточныхъ, пишетъ Θεодоритъ, въ каждомъ городѣ и селеніи стали открываться споры и ссоры за божественные догматы. А простой народъ былъ зрителемъ событій и судьей рѣчей, присоединяясь либо къ одной сторонѣ, либо къ другой. Дѣла происходили горькія и достойныя слезъ. Не иноплеменики и враги, какъ было нѣкогда,

¹⁾ Въ видахъ устраненія несогласія относительно времени празднованія Пасхи еще въ III-мъ вѣкѣ составлены были пасхальныя исчисленія, какъ напр. Діонисіево, Анатоліево, Ипполитово: первое опредѣляло время празднованія Пасхи на 8 лѣтъ, второе—на 19 л., а третье—на 119 лѣтъ.

осаждали теперь церковь, а единоплеменники, люди, живущие под одним кровом и пользующиеся одною трапезою, вместо стрѣль языкомъ поражали другъ друга, или лучше—члены, составляющіе единое тѣло, вооружались другъ противъ друга“¹⁾). Нужно было устранить всѣ эти неурядицы въ церкви, нужно было на основаніи вселенскаго преданія провѣрить укоренившіеся обычаи, пересмотрѣть мѣстные порядки и правила, надлежащимъ образомъ опредѣлить направленія богословствующей мысли; нужно было осудить одно, утвердить другое, уничтожить разногласія и раздѣленія и дать должное направленіе христіанской жизни и дѣятельности. Никейскій соборъ все это и дѣлаетъ. Какъ высшее судилище, онъ пересматриваетъ обычаи и порядки мѣстныхъ церквей, утверждая одни и запрещая другіе, разрѣшаетъ недоумѣнія и споры дисциплинарные и обрядовые, наконецъ, произноситъ судъ надъ ходомъ богословскаго развитія первыхъ вѣковъ, осуждаетъ уклоненія и заблужденія въ этой области и, точно формулируя православное догматическое ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, завершаетъ одинъ фазисъ богословскаго развитія древней церкви и полагаетъ начало другому. Такъ по вопросамъ церковной дисциплины и управленія соборъ издаетъ 20 правилъ; разрѣшаетъ разногласіе относительно времени празднованія Пасхи и произноситъ судъ надъ расколомъ Мелетія. Но самое важное, самое главное дѣло Никейскаго собора, которое составляетъ его славу и величіе, есть символъ вѣры. Этотъ символъ представляетъ собою изложеніе православнаго ученія о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, изложеніе въ высшей степени полное и изумительно точное: полное на столько, что, по выраженію св. Афанасія Александрійскаго, „этого изложенія довольно и достаточно къ изложенію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія“²⁾); точное, — такъ что никакія усилія аріанской діалек-

1) Θεοδωριτῆ. Церковн. ист. кн. I, гл. 6. Migne cur. patr. ser. gr. t. 82. №. I. с. 5.

2) Св. Афанасія Александрійскаго „посланіе къ Африканскимъ епископамъ“. Твор. ч. III. стр. 315. Migne curs. patr. t. 26 ser. gr. с. I.

тики не въ состояніи были перетолковать это изложене, и ариа-
намъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или принять это
изложене и согласиться съ православнымъ ученіемъ или вовсе от-
вергнуть самое изложене; принять-же символъ, но не принять
православнаго смысла его—было нельзя: *tertium non datur*. Осо-
бенно замѣчательно слово „единосущный“ — „ὁμοούσιος“, которое
внесено въ Никейскій символъ: оно было лозунгомъ православія
въ Никейскую эпоху, такимъ-же остается и до-нынѣ. Въ этомъ
одномъ словѣ были обозначены и рѣшены всѣ тринитарные вопро-
сы; имъ однимъ полагался конецъ и субординаціонизму и монар-
хіанизму (савелліанизму) во всѣхъ ихъ видахъ, волновавшимъ
церковь въ первые вѣка христіанства, и богословская мысль дол-
жна была закончить свое блужданіе. Положимъ, и послѣ Никей-
скаго собора тринитарные споры продолжались съ значительною
силою; но продолжались потому только, что не всѣ въ то время
понимали полный и глубокій смыслъ „ὁμοούσιος“; многіе видѣли
въ немъ только полемическое средство, не чуждое опасной
крайности. А что, дѣйствительно, *ὁμοούσιος* уничтожало всѣ
тринитарные споры, разительнымъ доказательствомъ этого слу-
жить второй вселенскій соборъ. Въ опроверженіе всѣхъ ересей
по тринитарнымъ вопросамъ онъ не нашелъ ничего лучшаго,
какъ подтвердить вѣру Никейскую, подтвердить знаменитое „ὁμο-
ούσιος“.

Какъ исключительное, безпримѣрное явленіе съ одной сто-
роны, какъ въ высшей степени важное по своей дѣятельности—
съ другой, Никейскій соборъ заслуживаетъ самаго внимательнаго,
серьезнаго и всесторонняго изученія. Правда, послѣдующая исто-
рія христіанской церкви (IV—VIII вв.) представляетъ намъ еще
нѣсколько соборовъ такого-же рода, какъ Никейскій, но эти послѣ-
дующіе соборы не ослабляютъ значенія и интереса собора Никейскаго.
Даже болѣе: они увеличиваютъ интересъ собора Никейскаго, по-
тому что онъ былъ типомъ и образцомъ ихъ. Всѣ послѣдующіе
вселенскіе соборы составлялись и дѣйствовали подобно собору Ни-

кейскому: всё они были открытыми и торжественными собраниями, всё составлялись по распоряжению верховной государственной власти и вызывались исключительными обстоятельствами, наконец, всё обладали правом верховнаго законодательнаго органа въ церкви. Слѣдовательно, Никейскій соборъ заслуживаетъ вниманія не только какъ важное само по себѣ явленіе, а и какъ типъ другихъ также важныхъ, чрезвычайныхъ событій въ исторіи христіанской церкви.

Но научность и серьезность всякаго историческаго изслѣдованія требуетъ предварительной обработки источниковъ, какъ основанія и фундамента, на которомъ воздвигается прочное зданіе исторіи. Вопросъ объ источникахъ—это первый основной вопросъ всякаго изслѣдованія, претендующаго на серьезность; отъ правильности и обстоятельности разъясненія источниковъ зависитъ правильность и обстоятельность самыхъ научно-историческихъ построеній и выводовъ. Такое значеніе имѣетъ вопросъ объ источникахъ во всякой исторической области. По отношенію-же къ исторіи перваго вселенскаго собора этотъ вопросъ имѣетъ еще большее значеніе, вслѣдствіе особаго характера самыхъ источниковъ. Большинство сказаній о Никейскомъ соборѣ было писано не съ историческими, а практическими, по преимуществу полемическими цѣлями. Этотъ практическій, въ частности—полемиическій характеръ повѣствованій не могъ не отразиться въ нихъ нѣкоторыми чертами, невыгодными въ научно-историческомъ отношеніи. Практическія цѣли заставляли писателей, въ ущербъ полнотѣ повѣствованія, иногда обращать вниманіе на одно, пропуская совсѣмъ другое, передавать ходъ событій не въ дѣйствительной связи и послѣдовательности, а эпизодически, скачками и отрывками. Мало того, практическія цѣли писателей, случалось, имѣли своимъ результатомъ и то, что нѣкоторые факты изъ исторіи собора если не прямо извращались, то передавались одно-сторонне, получали слишкомъ субъективную окраску, сильно увеличивались или крайне уменьшались. Очевидно, пользуясь безъ

всякой критики такими показаніями, легко представить дѣло неполно и неточно, выдвинуть одну сторону въ ущербъ другой, принять за несомнѣнную историческую истину то, что приведено древними писателями только какъ средство для полемическихъ или вообще для практическихъ цѣлей, и такимъ образомъ извратись дѣйствительную исторію. Встрѣчаются даже и такіе случаи, что въ двухъ источникахъ равноавторитетныхъ и имѣющихъ самостоятельное значеніе сообщаются извѣстія о томъ или другомъ эпизодѣ исторіи собора, по видимому, совершенно противоположныя и непримиримыя между собою, а между тѣмъ нѣтъ оснований, относиться съ сомнѣніемъ къ показаніямъ обоихъ источниковъ. Если пользоваться безъ критики такими документами, то придется, при изложеніи исторіи—или принимать показанія только одного какого-нибудь источника, совершенно игнорируя другой,—или сопоставлять рядомъ свѣдѣнія противоположнаго характера изъ двухъ разнородныхъ источниковъ, не пытаясь ихъ согласить или объяснить, или-же выбирать изъ того и другаго источника частныя показанія по произволу, по своему уже нанередъ составленному представленію о характерѣ и ходѣ событій и дѣйствій собора, и оставлять безъ вниманія другія показанія, не подходящія подъ это представленіе. Но ясно, что ни тотъ, ни другой, ни третій способъ не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ исторической науки и не ведутъ къ несомнѣнно истинному и полному воспроизведенію дѣйствительности.

Далѣе, извѣстно, что не всѣ древнія повѣствованія о Никейскомъ соборѣ имѣютъ самостоятельное значеніе и не къ каждому изъ нихъ можно относиться, какъ къ источнику первой руки. Большинство повѣствованій о соборѣ относится къ разряду источниковъ второстепенныхъ. Авторы ихъ заимствуютъ свѣдѣнія у очевидцевъ собора и вообще у болѣе раннихъ писателей; но при этомъ часто извѣстія послѣднихъ передаютъ въ парафразѣ и поясняютъ, а иногда пополняютъ новыми свѣдѣніями, полученными изъ другихъ источниковъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи. При-

этомъ древніе писатели рѣдко указываютъ прямо источники, изъ которыхъ они заимствуютъ свѣдѣнія, и рѣдко отдѣляютъ свои самостоятельныя показанія или поясненія отъ заимствованныхъ изъ болѣе древнихъ источниковъ. Вслѣдствіе всего этого иногда можно какую нибудь черту второстепеннаго источника принять за самостоятельное новое показаніе, между тѣмъ какъ эта новая, но видимо, черта представляетъ только парафразъ, поясненіе, иногда даже совершенно произвольное, ни на чемъ не основанное или основанное на случайномъ недоразумѣніи, примышленіе позднѣйшаго писателя къ первоисточнику; иногда же — на оборотъ — тамъ-то именно, гдѣ не дается никакого значенія второстепенному источнику, у него является совершенно самостоятельное и важное показаніе. При разногласіи одного писателя съ другимъ можно опять или придать слѣдующему большее значеніе этому разногласію въ такомъ случаѣ, гдѣ оно явилось только вслѣдствіе недоразумѣнія, или — напротивъ, не придать ему никакого значенія тамъ, гдѣ это разногласіе очень существенно. Вообще, при пользованіи второстепенными источниками представляется возможность для множества недоразумѣній и ошибокъ.

Наконецъ, въ ряду древнихъ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ много такихъ, которыя представляютъ совершенно новыя, часто очень обширныя свѣдѣнія, неизвѣстныя по источникамъ достоверно современныя собору и ближайшимъ къ нему по времени. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣствованій прямо выдаютъ себя за второстепенныя, составленныя на основаніи болѣе раннихъ источниковъ, какъ дошедшихъ, такъ и не дошедшихъ до насъ; нѣкоторыя же, наоборотъ, выдаютъ себя за вполне самостоятельныя и современныя собору, а нѣкоторыя — даже за подлинныя акты собора.

Изъ представленнаго очерка общихъ свойствъ источниковъ исторіи Никейскаго собора ясно, что пользоваться этими источниками безъ всякаго изслѣдованія и критики — нельзя; пользуясь ими безъ предварительнаго сравнительнаго изученія ихъ, можно